

О страхах

Яреци Фернандез

Завтра ранним утром должны прилететь Джун и девчонки, которым выпала роль свидетельниц. Девушка старалась сделать всё торжество приближённым к канонам, но далеко не всё было ей под силу. У Тору не было друзей. А из братьев вряд ли бы кто-то захочет быть главным свидетелем. Да и вообще свидетелем вряд ли. Она хотела сначала попросить папу, но у папы роль другая - он её будет вести к алтарю. И папа не может быть свидетелем. К тому же главным свидетелем должен быть человек со стороны жениха. И он будет подавать кольца. Очень ответственная и важная роль. Она не хотела, чтобы это был священник, хотя священнослужитель, проводивший обряд бракосочетания, обладает такими полномочиями.

А сегодня она с раннего утра была занята в католическом храме. Помимо самой церемонии надо было много всего сделать, в том числе правильно рассадить обычных прихожан, придумать, где именно будут сидеть папа и дядя, где разместятся члены семьи Мотидзуки. А ещё помимо этого ей нужно выучить пару молитв, поучаствовать в таинстве причастия. Тору разрешили не участвовать в этом таинстве, но ребёнка им придётся воспитывать в католической вере. Это считается единственным неоспоримым условием католической церкви. И с этим она спорить не будет. По крайней мере, даже в Китае есть католические храмы.

Тору был весь день занят с малышкой, и Яреци не волновалась. По крайней мере, она доверяла мужу и была уверена, что если у него возникнут какие-то вопросы с ребёнком, то он обратится за советом к матери. Хотя это было маловероятно, но она искренне в это верила.

Вечером, часов в семь, она сильно устала, но пока не спешила домой. Она достала из кошелька бумажку с адресом и поехала туда, надеясь, что нужный ей человек дома. Она просто узнает, что у племянника Тору, с которым она вчера пересеклась на набережной, всё хорошо. И у его отца тоже всё хорошо.

Она остановилась около двери в квартиру и, постояв немного в нерешительности, нажала на кнопку дверного звонка, искренне надеясь, что откроет дверь или Сэтоши, или Мизуки. С ними легче говорить, чем с братом Тору. Он вообще одним своим видом внушает ей страх. И она его действительно боится. Хоть бы не он открыл дверь...

Путеводная Нить

История на набережной до сих пор не давала ему покоя. Шотаро понимал, что погорячился, пытаясь в очередной раз надавить на сына и выражая удивление по поводу того, что тот является его ребенком. Да, Сэтоши, сколько бы он ни старался, не дотягивал до уровня того сына, каким бы он хотел видеть своего первенца, но это не отменяло факта, что Шо его любил, пусть и не очень умел показывать свои чувства. Хотя его собственный отец в этом не сильно отличался от второго сына, но он не был Мотидзуки Рэном, да и никогда не стремился полностью повторить его жизненный путь и историю семейных отношений.

Чувствуя себя некомфортно и замечая, что с сыном происходит нечто нехорошее, Шотаро решил сегодня вернуться домой раньше, не желая решать семейные вопросы на работе. Но, не успел он перекинуться и парой слов с женой, чтобы выяснить обстановку, как в дверь позвонили, и он, как человек находящейся к ней ближе всего, пошел ее открывать, прикидывая, кому пришло в голову явиться без предупреждения. Реальность оказалась страшнее всех предположений - на пороге стояла девушка, которая стойко ассоциировалась у него с крупными неприятностями. Но, поскольку, ей довелось стать его родственницей, он не мог просто так ее выгнать из собственного дома.

- Что тебя сюда привело? - Шотаро не нашел необходимым рассыпаться в формальных любезностях, хотя и пропустил Яреци, чтобы она прошла в квартиру. Мизуки находилась неподалеку, и она наверняка бы не одобрила, отправь он куда подальше жену ее любимчика Тору, с которой она даже умудрялась находить общий язык, чего самому Шотаро казалось чем-то невероятным.

Яреци Фернандез

Пока она ждала, когда откроют дверь, из соседней квартиры выбежал маленький мальчишка, лет четырех-пяти, с игрушечным пистолетиком. Сделав несколько предупредительных выстрелов в воздух, сопровождаемых какими-то словами, он побежал по коридору, зовя свою маму. Яреци сильно вздрогнула и побледнела, вернувшись в воспоминания о том ужасе. Было страшно, и она не знала, что ей делать дальше.

Дверь открылась, и она увидела на пороге среднего брата Тору, который ее не ожидал здесь увидеть и который ее ненавидел. Она сильно вздрогнула, приготовившись, что он ее не только выставит за дверь, но сделает это в самой грубой манере. Но он почему-то пригласил ее войти. По крайней мере, он подвинулся, чтобы она могла пройти. Она сглотнула.

- Мистер Мотидзуки, я... простите... но... можно мне поговорить с вами? - ляпнула она, опустив голову.

Она не знала, зачем это делает. Ведь он ее ненавидит, и он не будет разговаривать с ней. Но с кем поговорить об этом? С психотерапевтом? Почему нельзя просто так спросить, как себя чувствует племянник Тору и уйти? Он ее сейчас вышвырнет из квартиры. Почему она вообще влюбилась в Тору? Почему она не отпустила его в Японию на несколько дней раньше? А еще этот маленький мальчик с пистолетиком...

Путеводная Нить

Несмотря на свой не самый простой характер, Шотаро хорошо чувствовал, когда стоит поумерить свой пыл и вспомнить про родственные связи и ответственность, которые они на него накладывали. Все-таки эта странная девчонка была женой его брата, да и он не забыл, как, благодаря ее необычным способностям, избавился от неприятностей, поэтому, заметив нездоровую бледность девушки, передумал разговаривать с ней резким тоном и решил удовлетворить ее просьбу.

- Пойдем, - кивнул он и, взглядом показав Мизуки, которая успела только поздороваться с родственницей, чтобы та пока не вмешивалась, провел ее в небольшую комнатку, официально считающуюся его кабинетом. У Шотаро нередко появлялась срочная работа, когда он уже уходил из офиса компании, поэтому, подбирая квартиру около десяти лет назад, он в во многом ориентировался на то, чтобы у каждого члена семьи было свое рабочее пространство. И, в первую очередь, у него самого.

- Так о чем ты хотела поговорить? И почему со мной? - Шотаро уселся за свой рабочий стол, указывая Яреци на свободный стул. Он пока не понимал, к чему приведет этот разговор, но, в случае, если тот будет сильно его напрягать, Шо планировал отправить девчонку к Мизуки, чтобы та сама разбиралась с ее проблемами в знак женской солидарности.

Яреци Фернандез

Он её не выгнал, а, наоборот, пригласил проследовать за ним. Она сглотнула и, поздоровавшись с Мизуки кивком головы, проследовала в небольшой кабинет. Она не знала, о чём говорить. Точнее, знала, что, наверное, нужно рассказать о том ужасе, в котором побывали она с Джуном, да Тору, но не могла точно сказать, как это сделать. Наверное, действительно нужно забыть. Но что делать, если забыть не получится? Как быть, если всё это будет вспоминаться в тяжёлых снах? Она с тех пор спала только ночью от сильной усталости. Просто проваливалась в сон, не наделённый ничем, в то время как в моменты бодрствования, стоило ей просто прикрыть глаза, она вспоминала это. Она не хотела говорить об этом с Тору, чтобы он не волновался за неё. Ведь ему тогда тоже досталось - он убил, он пустил в ход оружие, так ценимое им. Она видела, что он сильно переживает и даже ей казалось, что он стал холодно относиться к катане и вакидзаси. Он их берёт в руки, но даже не ухаживает за ними. Они просто его сопровождают везде. В чехле. На них уже нет следов крови, но что-то изменилось.

С Джуном она тоже не разговаривала после этого. Она его избегала, боялась, что сорвётся, ведь она считала себя виноватой в том, что затащила его. Ведь он не хотел следить за этими людьми. Он, наоборот, хотел уйти. А она потащила его за собой. И из-за неё он оказался в опасности.

А теперь, сидя на краешке стула в кабинете отца Джуна, она понимала, что, не подоспей Тору вовремя или не убей тот русский похитителя, всё могло бы закончиться по-другому. Как бы она смотрела в их глаза, если бы Джун пострадал? Она сглотнула и почувствовала комок слёз, рвущийся наружу.

- Мистер Мотидзуки, я... знаю, что лезу не в своё дело. Я знаю, что вы меня ненавидите. Но... пожалуйста, выслушайте меня. Джун... он... он сильно переживает из-за всего этого. Он очень хочет вернуться домой, он хочет стать нормальным человеком, но... эти его способности... они... были полезны. Он... с их помощью... он смог спасти вашего брата... - Тихо произнесла она, стараясь не разреветься. Наверное, нужно было сказать что-то другое, но ведь не прямо так сразу рассказать о плене и ранении. Ведь его родители ничего не знают о том, что произошло в Китае. Это Валентину или Дарсии, да и кому-то из монастыря, можно было рассказать об этом. Там по крайней мере было это известно. Она сглотнула и робко посмотрела на

него, ожидая, что он назовёт её размазнёй и выгонит из кабинета и квартиры...

Путеводная Нить

Шотаро подозревал, что девчонка захочет поговорить о ком-то из его сыновей, поэтому сразу скривился, как услышал имя Джуна. Но вот ее дальнейшие слова, а главное тон, которым они были произнесены, заставили его напрячься и задать уточняющие вопросы, поскольку Яреци, как обычно, говорила много, и из ее словесного потока нелегко было вычленить суть проблемы.

- Что значит, спас моего брата? Не могла бы ты перестать говорить загадками? - Шотаро мог предположить, что Джун, подобно странной жене его младшего брата, что-то увидел и предупредил Тору о неприятностях, но ему хотелось бы глубже разобраться в этом вопросе, чтобы понять, как общаться с сыном, когда тот вернется.

- Ели уж начала говорить, то говори все. И что за навязчивая идея с ненавистью? Как будто мне больше заняться нечем.

Шо не понимал, с чего девчонка решила, будто он ее ненавидит. Шотаро считал ее странной и, в чем-то, опасной, но, предпочитая держаться от нее подальше, не испытывал к ней остро негативных чувств. Правда переубеждать Яреци не было ни малейшего смысла, да и странный умозаключения девушки сейчас волновали его намного меньше, чем подозрительная история со спасением, которую та упомянула вскользь.

Яреци Фернандез

- Простите, - испуганно вжалась она в спинку стула и побледнела сильнее. Потом покраснела и сглотнула. По щекам стекли слёзы, жгучие и обжигающие. Она горько усмехнулась и посмотрела на мужчину. Вздрогнула и почувствовала, как тело начало дрожать.

Наверное, это было очень глупо со стороны, но она не могла больше сдерживать свои эмоции. Он должен знать это. Пусть он ненавидит её, пусть он считает её виноватой в том, что случилось. Но она надеялась, что она не сделает ещё хуже, и Шотаро помирится со своим сыном. И с братом.

- Мы... несколько недель назад мы с Джуном встретились в деревне... около монастыря. А потом мы увидели странных людей. Я не знаю, они были... странными. Они нас заманили в ловушку. Джун... он не хотел следить за ними, но я... они нас взяли в плен и некоторое время держали в горах. Мы должны были показать им монастырь. А потом Джун... ему что-то показалось. Он шаман, ему духи показали вариант развития событий. Мы повели их в горы, а потом начался ужас... Тору... и ещё несколько людей из монастыря... они стали нас освобождать. Тору... он убил... убил двоих. Они стреляли, а мы с Джуном... мне было страшно, я испугалась. А потом... главарь выстрелил, но Джун успел толкнуть Тору, и пуля врезалась в правую сторону грудной клетки. Тору... он... он чуть не умер. Я... я сильно испугалась. Джун не пострадал, но... простите меня, я, наверное, действительно приношу несчастья. Я... я боюсь, что если бы... если бы Джун не увидел это... то...

Она закрыла лицо руками и сильно задрожала. Из груди начали вырываться всхлипы. Наверное, это было очень глупо, наверное, ей нужно было как-то иначе про это рассказать. И, наверное, если бы она в день встречи с родней Тору рассказала бы об этом маме Джуна, то было бы легче...

Путеводная Нить

Рассказ Яреци в силу своей сумбурности и нереалистичности показался ему какой-то страшной сказкой или порождением больной фантазии. Но выражение лица девушки говорило о том, что вся эта безумная история с похищением, убийствами и ранением брата произошла на самом деле. И, выслушав ее откровения, от поразился настолько, что даже не нашелся, что сказать ей в ответ. Если в похищение он еще мог поверить, то слово "шаман", применительно к сыну, неприятно резануло ухо. А уж представить младшего брата, каким бы он ни был, в роли убийцы, как и в роли жертвы, он не смог даже после того, как несколько раз повторил про себя особенно яркие моменты рассказа девчонки.

Тем временем, Яреци начала всхлипывать, и он попытался ее уговорить, чтобы не вызвать нездоровый интерес Мизуки, способной подумать, что он опять издевается над бедным ребенком.

- Не хнычь, все же живы и, как я понимаю, здоровы. - Шотаро крепко задумался, что теперь делать со всей этой информацией. - Я правильно понял, что Тору полез вас спасать и сам чуть не погиб?

Наверное, очередное упоминание о чуть не случившейся трагедии должно было еще больше расстроить девушку, но Шотаро предпочитал со всем как следует разобраться, прежде чем предаваться бурным переживаниям о том, что случилось или могло случиться с его родными, к коим он теперь относил и не в меру эмоциональную жену младшего брата.

Яреци Фернандез

Она отняла руки от лица и сквозь пелену слёз посмотрела на мужчину, который был задумчив. Наверное, он был прав, сказав, что не стоит хныкать потому, что все живы и здоровы. Всё окончилось хорошо, но как можно это забыть? Как она забудет кровавое пятно на одежде Тору, которое растекалось очень быстро? Как она забудет трупы людей и звуки выстрелов? Можно ли вообще это забыть?

Она рукавом кофты стёрла слёзы, но всхлипывания никак не могли прекратиться. У неё была истерика, она понимала, что выглядит жалко, что это глупо, но уже никак не могла успокоиться. Воспалённое сознание угодливо подкидывало всякие ужасные картинки с трупами, растекающейся по ним кровью, и любимого мужа, самого дорогого человека, который убивает, чтобы спасти её. Страшно. И выстрелы. Они звучат всё громче и чаще, как будто она всё ещё стоит там... Она пискнула и зажала уши руками. Зажмурилась и сильно сжала челюсти.

- Да... там был человек, он прикрывал Тору. Тору побежал к нам с Джуном и убил двоих... а главарь... он выстрелил в Тору... он... вы мне не верите, да? - обречённым голосом произнесла она и снова закрыла глаза. Рыдания были очень тихими, но дрожание, наоборот, усилилось. - Мне было страшно. Я поклялась, что буду

оберегать Тору, но не смогла ничего сделать... как мне забыть это? Простите меня, что вы меня слушаете... но мне... я не знаю, с кем мне поговорить...

И новая порция рыданий накрыла её. Она тихо заплакала, но уже не могла успокоиться. Наверное, у неё действительно произошёл нервный срыв, или как это называется.

Путеводная Нить

К своему сожалению, Шотаро верил во все, что говорила девушка, хоть и предпочел бы посчитать ее рассказ бредом. Новые подробности делали только хуже. Сейчас он не был уверен, что ему стоило знать, что сын и брат находились на волоске от смерти, но стереть последние воспоминания не представлялось возможным, поэтому оставалось только смириться и научиться с этим знанием жить.

- Да что же ты так реवेशь? - Шотаро прекрасно знал ответ на свой вопрос, но рыдания девушки в любой момент могли привлечь внимание Мизуки, а ему очень не хотелось, чтобы она узнала о произошедшем. Для нее это стало бы ударом, пусть она и спрятала бы свои чувства где-то глубоко внутри. - Пожалуйста, успокойся.

Он понятия не имел, что делать в такой ситуации, но нельзя же было оставить все, как есть. Ведь брат не бросил в беде его сына и рисковал своей жизнью, чтобы его спасти. Конечно, там еще была и Яреци, но что-то подсказывало Шотаро, что попади Джун в плен один, ситуация складывалась бы примерно тем же образом. Про Тору можно было говорить, что угодно, но он был уверен, что жизнь членов семьи младший брат ценил больше своей собственной. А значит, Шо становился ему должен. Причем, гораздо больше, чем успокоение его эмоциональной жены.

- Ну тише уже. Ты жива, Тору жив, и вы собираетесь устроить церемонию и жить долго и счастливо. Чего тут плакать?

Он встал из-за стола и, подойдя к девушке, после некоторых колебаний похлопал ее по плечу. Конечно, женщин обычно успокаивали другим способом, но не обнимать же он ее был должен, позволяя поплакать к него на плече. По крайней мере Шотаро очень надеялся, что до такого дело не дойдет.

Яреци Фернандез

Она совершенно не знала, что теперь делать. У неё ещё никогда не было такой сильной истерики, она никогда ещё не доводила своё тело и сознание до нервного срыва. И ни у кого из её знакомых не было такого. А что в таких случаях делали в книгах или фильмах... там всё придумано, там тоже ни у кого такого нет. Она чувствовала себя ужасно, ей казалось, что она поступает неправильно, устраивая истерики в доме этого человека. Он вообще не должен видеть её слёзы и знать всё это. Точнее, он, наоборот, должен знать всё это, но как-то по-другому, что ли надо было это подать. Просто успокоиться и рассказать об этих фактах сухим тоном и голосом. Ведь действительно ничего страшного не случилось. Все живы и здоровы.

Но почему так больно? Почему она чувствует себя виноватой в этом? Ведь это зависело не от неё. Она постаралась успокоиться, но всхлипы продолжали терзать её тело. А вот когда мужчина подошёл к ней и положил руку на её плечо, она сильно

вздрагнула и посмотрела на него. В первую секунду хотелось броситься ему на шею и продолжить реветь, но она даже в таком состоянии представила, что в этот момент в кабинет может войти Мизуки. И тогда... они поссорятся, и теперь точно никто не сможет быть счастлив. Она сильно вздрагнула и мотнула головой, отстранившись от него.

- Простите, я... мне... я постараюсь успокоиться. Простите, что вы вынуждены были выслушивать мои сопли. Я... не знаю, как мне забыть об этом ужасе, я не знаю, как это повлияет на их жизнь. Но... пожалуйста, мистер Мотидзуки... поговорите с ними... с вашим сыном... я... понимаю, что это совершенно не моё дело, но... постарайтесь принять его особенности... помните, вы мне тогда говорили, что... я должна научиться жить со своими способностями, а не бояться их... Я не хочу лезть в ваши с Тору отношения, но... поговорите с ним. Он... сильно переживает, я это вижу. Ему страшно, он... я боюсь, что после всего этого он не сможет снова проводить тренировки, а он... он ведь живёт этим....

Она внезапно осеклась и горько усмехнулась. Закрыла глаза и протёрла лицо руками. Дрожь никуда не делась, а вот всхлипы постепенно прекратились. Она сглотнула, поняв, что сказала лишнее.

- Простите, я... можно мне попить? - тихо прошептала она, опустив голову и сильнее зажмурившись, боясь посмотреть на него.

Путеводная Нить

Даже без просьбы Яреци Шотаро прекрасно понимал, что ему есть о чем поговорить с сыном и братом. Не понимал он одного - почему все семейные вопросы навалились на него одновременно, руша построенный им стабильный мир, к котором он так комфортно чувствовал себя последние двадцать лет. Но на этот раз убежать от проблемы и прятаться в свои отчеты было нельзя, поэтому Шо, со свойственной ему педантичностью, решил разбить одну большую проблему на много маленьких и решать их в порядке необходимости.

- Да поговорю я с ними, не надо меня упрашивать. - В отличие от ситуации на набережной Шотаро услышал просьбу девушки и сходил на кухню за водой. Практически за дверью он встретил Мизуки, которая уже собиралась брать его кабинет штурмом, и покачал головой, показывая отсутствие такой необходимости. И, как он и ожидал, понятливая жена кивнула и временно скрылась в их спальне.

- Вот, держи, - вернувшись, Шотаро протянул девушке стакан с водой. - И, самое главное, никому больше не рассказывай.

Он очень не хотел, чтобы это история дошла до Мизуки или его матери. За Джуна или Тору Шо не волновался. Те умели держать язык за зубами, а вот Яреци с ее эмоциональностью удержать от попытки с кем-нибудь поделиться своими бедами было очень и очень трудно. И хоть в этой ситуации он прекрасно мог понять многое пережившую девчонку, хотел сделать все, чтобы избежать повторных истерик в присутствии других членов семьи.

Яреци Фернандез

Когда мужчина ушел за водой, девушка вздрогнула и рукавами кофты снова стёрла слёзы. Тихие всхлипы постепенно прекращались, но слёзы всё ещё текли по щекам. Глаза были очень красные и опухшие, и это было неправильно, так как вечером она увидится с Тору, он это заметит, спросит, что случилось, она ему всё расскажет. И он поссорится с ней, сказав, что ему не нужна жена, которая его никогда не слушает и всё делает по-своему. Может быть, это действительно её карма? Может быть, она должна была забыть Тору, когда была такая возможность?

Она глубоко и судорожно вздохнула и осмотрела кабинет. На столе идеальный порядок, небольшой шкаф с разными книгами, какими-то бумагами. На одной полке стояло несколько фотографий в рамочке, и она посмотрела на них. На одной было запечатлено всё сесейство Мотидзуки с недовольным Тору, на другой - Шотаро с семьёй, на третьей - миссис Мотидзуки с мужем, ещё молодые. девушка вздохнула и болезненно поморщилась. А потом услышала голос мужчины и вздрогнула. Щёки налились румянцем смущения, и она взяла у него из рук стакан с водой. Обняла руками и стала медленно и осторожно пить, видя, как трясутся руки.

- Я... никому больше не расскажу... я... мечтаю забыть об этом. Я боюсь, что я никогда не смогу забыть об этом. Но... вы вините меня, мистер Мотидзуки? Я... наверное... это я виновата в том, что мир вашей семьи изменился... простите меня, я не хотела влезать в ваш мир...

И снова она понесла какую-то ересь, но ей было страшно, а когда с ней такое случалось, то она начинала говорить много, бессвязно. Со временем ничего не менялось, и от этого ей самой становилось неприятно. Она допила воду и поставила стакан на стол. Потом снова посмотрела на мужчину.

- Мистер Мотидзуки, я... можно вас попросить об одолжении? Я знаю, что вы откажетесь, так как я для вас абсолютно никто. Но... у нас свадьба будет по моим традициям. А там нужны свидетели... свидетель со стороны жениха должен подавать кольца... это... это очень красиво... Тору... у него друзей нет... я... - она стерла слезу и опустила голову. - Сделайте это для брата... пожалуйста... и... простите меня...

Она вздрогнула и робко на него посмотрела, вжавшись в спинку стула.

Путеводная Нить

Красноглазая девчонка обещала никому ничего не рассказывать, но Шотаро не был так уверен в ее способности сдержать обещание. Стоило ее зацепить за больное, как Ярецы начинала вываливать на голову несчастного кучу полезной и бесполезной информации, причем никак не отделяя одну от другой. И это могло в будущем привести к самым неприятным последствиям, на которые он, к своему сожалению, не имел возможности повлиять.

- Многовато на себя берешь, говоря, что изменила мир моей семьи. Я же не дурак, понимаю, что способности, вроде тех, что у Джуна, нельзя прикрутить искусственно. И неизвестно, к чему бы все пришло, не отправься он в ваш странный монастырь.

Конечно, Шотаро был бы рад найти виновника во всем происходящем с его

сыновьями в лице чудной девчонки, доставляющей неприятности, но, в глубине души, он сам прекрасно понимал, насколько это глупо.

И пока он рассуждал на тему судьбы его семьи и вмешательств в нее посторонних сил, Яреци, похоже, решила его окончательно шокировать, предложив стать свидетелем на свадьбе, словно это не он внушал ей страх и нередко ругался с Тору.

- Я, конечно, не отказываюсь, - после всех жутких историй и последовавшей за ними истерики, он бы просто не решился сказать нет, даже без учета того, что теперь чувствовал себя должным брату. - Но позволь спросить, почему я?

Последнее совершенно не давало ему покоя, поскольку предложение девушки казалось ему совершенно нелогичным, пусть он уже и давно понял, что она и логика - две совершенно не совместимые вещи.

Яреци Фернандез

Наверное, если бы он не отправился в наш странный монастырь, то и плена бы не было, подумала про себя девушка, но вовремя решила не говорить ничего вслух. Ей уже хватило, что она наговорила много всего, рассказала об этом ужасе, в котором чуть не погиб Тору, сделала это с жуткой истерикой, от которой, наверное, у мужчины начала болеть голова. Она чувствовала свою вину, наверное, ей надо просто его поблагодарить, попрощаться с ним. А потом уехать. Взять дочку и Тору, и уехать с ними. Чтобы лишний раз не встречаться ни с Джуном, ни с его отцом, ни с какими-то другими родственниками Тору. Наверное, так сделали бы нормальные люди, которые ценят и уважают. И которые имеют нормальную психику. И не впадают в истерики.

Она шмыгнула носом и посмотрела на фотографию их семьи. С недовольным Тору, еще совсем мальчишкой. Стало больно, из-за чего-то. Она болезненно поморщилась и посмотрела на мужчину, который вернулся на свое место. Эта ее просьба была самой глупой, и она не знала, что ответить на его вопрос.

- Вы... вы не отказываетесь? - в голосе чувствовались нотки испуга, смешанные с надеждой, что он удовлетворит ее просьбу. - Я... только знаю, что в свидетели выбирают людей, которым можно доверять. Которые никогда не предадут. Тору... у него нет никого. Кроме двух братьев... я понимаю, что этого никогда не будет, но... я очень хочу, чтобы вы помирились с Тору... и Рюхей... простите, я не должна была его называть по имени... я не хочу лезть в ваши отношения. Простите, что взяла на себя слишком многое. И... спасибо вам за то, что выслушали...

Путеводная Нить

По тому, как Яреци удивилась на его слова, Шотаро предположил, что девушка просто так ляпнула то, что крутилось у нее в голове, не рассчитывая на согласие. Но отступать уже было поздно, поэтому он лишь кивнул, подтверждая, что не собирался шутить, и обреченно вздохнул. Ему не улыбалась выпавшая роль, но, говоря об отсутствии у его брата друзей, которых можно бы было пригласить в свидетели, девушка, не догадываясь, указала на их семейную проблему. У Мотидзуки, не считая Джуна с его толпой приятелей, были родственники, коллеги и

полезные люди, с которыми стоило поддерживать отношения. А вот друзья... Пожалуй, в своем окружении Шотаро никого не мог бы назвать близким другом.

- Не уверен, что Тору мне доверяет. Мы всегда с ним не слишком ладили. - Он непроизвольно бросил взгляд на семейную фотографию, на которой красовался его еще совсем молодой и как всегда чем-то недовольный брат. - Наверное, логичнее было позвать Рюхея. Хотя они практически не общались. Как ты вообще с ним живешь? У него же ужасный характер.

Последний вопрос всплыл неожиданно и, произнеся его вслух, Шотаро удивил сам себя. Да, он помнил Тору наглым бунтарем, смеющим перечить отцу и заявить в присутствии всей родни, что Мизуки для него слишком хороша. А ведь тогда ему было еще шестнадцать. Правда он предполагал, что брат мог измениться или вести себя по отношению к своей женщине иначе, но воспоминания были слишком сильны и мешали поверить в подобную возможность.

Яреци Фернандез

Видя его обреченный вздох, девушка смущенно опустила голову и покраснела. Эта ситуация уже доходила до абсурда, и нужно было как-то прекращать её. Нужно было встать с этого стула, попрощаться с этим человеком. Но почему-то не было сил это сделать. Помимо сил не было еще и желания. Потому что если она сейчас, вот прямо сейчас, пойдет домой, то на нее будут смотреть странно. Особенно в автобусе. Потому что у нее сильно заплаканные глаза. Хоть истерика прекратилась.

Она глубоко вздохнула. Надо что-то ответить, ведь это она начала этот неправильный с любой точки зрения разговор.

- Я... спасибо вам большое, мистер Мотидзуки. Я не знаю, как живу с ним. Но мне он не кажется таким уж ужасным. Он... - она запнулась, внезапно вспомнив разговор с ним в офисе, когда наговорила ему много всего, да еще и ударила. От этого воспоминания снова на глаза навернулись слезы, но она, прикусив губу, их сдержала. - Он добрый, - проговорила она тихо и смущенно. - Но... понимаете, это... глупо, но я хочу, чтобы везде царили мир и согласие, чтобы близкие люди никогда не ссорились. Я знаю, что это всего лишь мечты глупой девчонки, но... если вы согласитесь быть свидетелем на свадьбе, то... я буду вам благодарна...

Она робко на него посмотрела.

Путеводная Нить

Отвечая на его вопрос, вместо пары-тройки слов, как это делали обычные люди, его эмоциональная родственница вылила целый поток информации, большая часть из которой не имела никакого отношения к тому, что Шотаро хотел от нее услышать. А упоминание мира и согласия, особенно после всего, что ему удалось сегодня знать, вызвали желание вздохнуть еще громче, чем в первый раз. Но он все-таки сдержался и даже нашел в себе силы как-то прокомментировать ее последние слова.

- Если вам это действительно нужно, то хорошо, я буду свидетелем или кем вы там с Тору захотите меня видеть. Не уверен, что я туда нормально впишусь, я же все-

таки синтоист, а вы, как я понял, собираетесь устроить церемонию в католических традициях, но дело ваше.

Шотаро хотел бы уже закончить этот тяжелый разговор, но отправлять девушку на улицу с такими краснющими глазами было как-то нехорошо, а ее общение с Мизуки было чревато нехорошими последствиями, поэтому он решил проявить не слишком типичную для себя по отношению к Яреци заботу.

- Сходи в ванную, приведи себя в порядок. Можешь не волноваться, лишних вопросов тебе никто задавать не будет. С Мизуки я потом поговорю и что-нибудь объясню. Если надо, то могу вызвать такси.

Посчитав, что и так сказал слишком много и продемонстрировал себя чуть ли не добрейшей души человеком, Шотаро замолчал. Сейчас ему больше всего хотелось побыть в одиночестве и все обдумать, но он прекрасно понимал, что это невозможно. Жена явно ждала от него хоть какой-то информации, да и с Сэтоши стоило что-то делать, поэтому ему оставалось только собраться и показать, что он - тот человек, который может решить все семейные проблемы.

Яреци Фернандез

- Спасибо вам, мистер Мотидзуки, и... простите меня... за всё, что я сделала... - Прошептала девушка, вставая со стула. Она боялась выходить из кабинета, боялась, что увидит его жену или сына. Но она обещала, что никому не расскажет об этом. Это страшно, и Тору не одобрил бы её поступок. Она сохранит это в тайне, она постарается, чтобы Тору не узнал о том, что она была в квартире его брата и разговаривала с ним. Она постарается сделать всё возможное, чтобы в их семье были мир, гармония, взаимопонимание. Чтобы Тору больше не казался на фотографиях недовольным...

Она всё-таки вышла из кабинета и почти сразу столкнулась с Мизуки. Но пробормотала что-то невнятное, похожее на "простите", и очень быстро скрылась в ванной. Умылась холодной водой и очень долго смотрела на свое изображение, пытаясь понять, что делать, чтобы избавиться от красных слез и жутких мешков под глазами. У нее даже возникла мысль спросить у жены Шотаро, что она делала, если у нее случались такие истерики. Но она почему-то была уверена, что у японок вообще никогда не бывает истерик.

Она еще раз умылась водой и вернулась в кабинет. Брат Тору сказал про такси, и она кивнула. Это было неожиданно с его стороны, ей так показалось, и она благодарно кивнула. А потом она снова поблагодарила Мизуки и Шотаро и покинула их квартиру. После разговора с мужчиной в душе появились какие-то странные чувства. Она не знала, правильно ли поступила, но понимала, что родители должны знать, что с Джуном произошло недавно.
